

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).032

Р. А. Соколов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ¹

Личность одного из наиболее известных деятелей русского Средневековья — Александра Невского — традиционно привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей. И это вполне объяснимо, ведь его деятельность стала важнейшей вехой в отечественной истории. В настоящей статье мы остановимся на вопросах взаимоотношений князя и митрополита Кирилла, в руках которого оказалось управление Русской церкви в начальный, наиболее сложный период ордынской зависимости. Изучение данного вопроса особенно важно для понимания того, каким образом происходила выработка внешнеполитического курса высшей церковной власти в ту переломную эпоху. Общеизвестна политика непротивления силой Орде, которой долгое время придерживались русские князья. Ее основы были заложены еще Ярославом Всеволодовичем. Эта стратегия в сочетании с противодействием католической экспансии была принята и его сыном Александром. Именно Невский герой в полной мере воплотил в жизнь принцип «Меч — Западу, мир — Востоку» [1, с. 9]. Эту единственно верную в тот момент политику поддержала и Русская православная церковь. Произошло ли это само по себе или влияние Александра Ярославича сказалось и здесь? На эти вопросы мы и постараемся дать ответ.

Большинство ученых считают, что митрополит-грек Иосиф, прибывший на Русь незадолго до нашествия татар [2, с. 74, 285], спасся из Киева, которому угрожало разорение, бегством [3, с. 15; ср.: 4, с. 153; 4]. Южнорусские князья пытались возвести на митрополию своих ставленников. Михаил Черниговский сделал это без санкции Никеи. (Его протееже, «некий архиепископ из Руссии» Петр ездил к папе за помощью против татар и был выслушен на соборе в Леоне [5, с. 151, 124; 6, с. 300–302].) Но митрополитом Руси стал другой человек — Кирилл, посланный в Никею для поставления Даниилом Галицким и его братом Васильком [7, стб. 809]. Ясно, что в то время он полностью был согласен с курсом Даниила на союз с Римом против татар.

Однако в Никее Кирилл, конечно, должен был получить строгие антикатолические инструкции [8, с. 293]. Но все же вряд ли несогласие с прозападной ориентацией Даниила стало причиной поездки на север митрополита сразу по возвращении [ср.: 9, с. 327]. Едва ли Галицкий князь послал бы на поставление человека, не готового смириться с его внешнеполитическими взглядами. Хотя недовольство политикой своего патрона у

¹ Исследование осуществлено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Государственный контракт № П2334 от 16.11.2009, научно-исследовательская работа по проблеме «Национальные герои России — исторические ориентиры Отечества: Александр Невский».

© Р. А. Соколов, 2010

Кирилла не могло не возникнуть, возможно, Даниил не принял сразу корону от папы именно под влиянием Кирилла [8, с. 292].

Как бы то ни было, митрополит по-прежнему оставался врагом татарской власти [10, с. 75.]. На Руси складывалась в то время антитатарская коалиция князей, ее скрепил Кирилл браком Андрея Ярославича с дочерью Даниила [11, стб. 472.]. Другими словами, упрочение этой коалиции было одной из причин посещения первоиерархом Севера.

Ситуация в церковном управлении, сложившаяся ко времени прибытия митрополита во Владимирскую Русь, была не простой. Гибель епископа Митрофана в великокняжеской столице сделала духовным центром земли Ростов, чей владыка Кирилл остался в живых благодаря своевременному уходу из города. До татарского нашествия Ростов проигрывал своему прежнему пригороду Владимиру в противостоянии борьбы за влияние [см.: 12, с. 690–697 и др; 13, с. 60–83], и вот теперь появилась возможность для реванша, и епископу Кириллу, волей случая оказавшемуся старшим иерархом Северо-Восточной Руси, здесь отводилась особая роль. Прежде всего, действуя в интересах Ростова, он перенес тело убитого на реке Сить великого князя Юрия Всеволодовича в Ростов, нарушив тем самым сложившуюся традицию захоронения великих князей в Успенском соборе Владимира. Весьма возможно, что ростовцы вслед за этим рассчитывали и на перенос политического центра земли в их город. Видимо, с этим связано и начало летописной работы при дворе епископа Кирилла, в то время как во Владимире после монгольского разорения летописание находилось в затяжном кризисе [14, с. 147]. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: Ярослав Всеволодович настоял на перезахоронении тела погибшего брата, постаравшись в зародыше разрушить планы ростовцев [15, с. 226–228]. (Интересно, что еще в период вооруженной борьбы Константина и Юрия Всеволодовичей, выражавших интересы соответственно Ростова и Владимира, Ярослав выступил на стороне последнего.) Приезд же на Северо-Восток митрополита лишал Ростов и значения церковного центра, ибо по прибытию первоиерарха епископ Кирилл автоматически терял власть над великокняжеской столицей.

А митрополит тем временем, как мы можем предположить, не забывал о главной политической цели своей миссии: упрочение коалиции во главе с Даниилом Галицким, направленной против Орды. Видимо, желая вовлечь в антимонгольский союз Новгород, русский первоиерарх посетил и этот город, где поставил архиепископа Далмата [2, с. 80, 304]. Прибытие на берега Волхова митрополита, да еще в сопровождении епископа Ростовского было, конечно, само по себе далеко не рядовым событием. К тому же с заступничеством соименного обоим архиереям святого — Кирилла Иерусалимского — новгородцы связывали избавление от войск Бату-хана [16, с. 207]. Это, без сомнения, должно было усилить впечатление, произведенное на жителей приездом иерархов.

Несмотря на это, Новгород против ханской власти не выступил, зато Кирилл познакомился здесь с Александром Ярославичем, бывшим в то время номинально великим князем Киевским. По-видимому, князь расположил к себе митрополита своими антикатолическими воззрениями, возможно, в его присутствии он дал ответ послам папы, чем, конечно, вызвал к себе симпатии митрополита [17, с. 10–11; 18, с. 57]. Описание силы монголов должно было особенно убедительно звучать из уст героя Невской и Ледовой битв, ведь его нельзя было обвинить ни в страхе (свою храбрость он не раз доказал в боях), ни в неосведомленности (Ярославич только что вернулся из далекого Каракорума).

Антитатарская коалиция потерпела крах. Вернувшегося из Орды великим князем Владимирским Александра Ярославича встречал у Золотых ворот Владимира «митро-

полит и вси игумени и гражане» [11, стб. 473]. Вероятно, Кирилл окончательно понял тщету усилий сбросить в данный период власть ханов. Поддержка митрополита, безусловно, должна была оправдать действия Александра в глазах народа [19, с. 48]. Так началось его *сотрудничество* с митрополитом. В будущем Ярославич убедит в лояльности Кирилла ханскую власть (как добьется и реабилитации своего брата Андрея) во время своих поездок в Орду.

Однако в ту эпоху нельзя было ни на минуту забывать о необходимости обороны рубежей. В 1256 г. шведы совершили очередное вторжение в Новгородские пределы, заложив на Нарове город. С берегов Волхова «на Низ» (во Владимиро-Суздальскую землю) к Александру немедленно был отправлен гонец с просьбой о помощи. Князь сразу же откликнулся, собрал полки и приказал выступать в путь. При этом он обратился к митрополиту, попросив его сопровождать войско. Кирилл не отказался. По дороге к ним присоединились дружины новгородцев.

Услышав о военных приготовлениях Ярославича, шведы предпочли не испытывать судьбу и ретировались. Однако Александр на этот раз задумал нечто большее, чем просто изгнать зарвавшегося врага. У него созрел план дальнейшей экспедиции в земли племени емь, на территорию современной Финляндии. До поры он никому не объявлял об этом. Этого требовала секретность, да и среди русских воинов было немало тех, кто сразу же отказался бы участвовать в столь рискованной акции. Только лишь у Копорья князь сообщил о конечной цели похода [2, с. 81, 308–309]. Вот здесь-то особенно были важны митрополитчи увещевания. Наверное, не будет выглядеть слишком смелым предположение о том, что Кирилл постарался вселить уверенность в ратников, убедить их в необходимости спланированного князем перехода. Сделать это было не так легко: несмотря на все доводы, часть новгородцев все же не решилась последовать за Ярославичем и предпочла вернуться домой. Выполнив свой долг, отправился в Новгород и митрополит. Александр же с оставшимися воинами совершил дерзкий рейд по подконтрольным шведам землям [2, с. 81, 309].

Не давала забывать о себе и тяжкая монгольская зависимость. В 1257–1259 гг. прошла перепись населения для последующего сбора дани. Духовенство при этом налогом не облагалось [11, стб. 473–475]. Вряд ли это было результатом усилий Александра Ярославича [20, С. 26–29]. Веротерпимость татар общеизвестна, и освобождение от выплат русского клира — лишь частный случай ордынской религиозной политики [см. подробно: 21, с. 164–166]. Особенно нужно подчеркнуть, что во время переписи (да и до нее, со времени приезда Кирилла на север) источники не дают оснований говорить о противодействии церкви Орде. Конечно, митрополит, как и остальное духовенство, еще раз убедился в разумности предложенного Александром курса. Неудачи Даниила Галицкого стали лишним подтверждением правильности такой политики.

В 1261 г. в Сарае была создана православная епархия [11, стб. 476]. Разнообразные причины ее возникновения в целом установлены [21, с. 166–169]. Мы обратим особенное внимание на одну из них. А. Н. Насонов полагал, что Берке-хан хотел использовать клир для связей с Константинополем, почему и разрешил устроить епископию в своей столице [22, с. 250–251]. Митрополит, по мнению ученого, для этой цели не подходил: хан помнил его прежние антитаатарские настроения, по той же причине Кирилл, считал А. Н. Насонов, ни разу не был в Орде [22, с. 249, 246]. Соглашаясь с «византийской» причиной создания епархии, мы считаем неверным тезис о недоверии монголов митрополиту. В Троицкой летописи, возможно, содержалось указание на поставление Кириллом епископа Митрофана в самом Сарае: «Того же лета (6769. — *Р. С.*) постави митрополит епископа Митрофана *в Сарае* (курсив наш. — *Р. С.*)» [23, с. 327]. Для реконструк-

ции текста в данном случае М. Д. Приселков использовал выписку Н. М. Карамзина [24, с. 214, примеч. 108]. Не согласен с тем, что монголы не доверяли русскому митрополиту, и И. У. Будовниц [9, с. 327]. Видимо, татары были уверены в лояльности митрополита, который все же не подходил на роль посредника в связях с греками, так он был загружен своими русскими делами и не мог часто отлучаться ни в Сарай, ни в Византию. Не будет, наверное, чрезмерной смелостью с нашей стороны утверждать, что в надежности Кирилла мог убедить ханскую власть Александр Невский во время своих визитов в Орду подобно тому, как он смог добиться прощения для своего брата Андрея.

В 1262 г. по городам Руси прокатилась волна народных выступлений против купщиков татарской дани — «бесурмен» [11, стб. 476, 524], под этим термином имеются в виду купцы-мусульмане [13, с. 206–208]. В некоторых источниках есть указания на организацию данных восстаний князьями и конкретно Александром Невским [25, с. 143; 28, с. 30]. Причинами выступлений наряду с татарскими поборами были и мотивы религиозного характера [26, с. 43–44; 13, с. 211]. Конечно, источники не оставляют сомнений относительно вечевого характера выступлений 1262 г.: «... [люди Ростовской земли] изволиша вече и выгнаша из городовъ [татар]» [11, стб. 476]. Но «вечевой» вовсе не обязательно означает «стихийный». Нельзя пройти мимо поразительной «синхронности» народного возмущения в разных городах, для достижения которой необходима была точная координация действий. И кто же, как не князья, и прежде всего конечно, наиболее влиятельный из них — Александр Ярославич, могли лучше всего ее обеспечить.

Обратим внимание на одну любопытную деталь. В 1262 г., согласно летописным данным, против татарской власти поднялись Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль [11, стб. 476], Устюг [27, стб. 30, 70], т. е. земли, входившие во Владимирскую и Ростовскую епархии [28, с. 298 (карта)]. Это дает нам право предположить, что архиереи также не остались совершенно в стороне от событий, тем более, что религиозная составляющая в них, как мы видели чуть выше, была значительной. И могло ли случиться так, что духовенство не было в курсе подготовки упомянутых выступлений? На этот вопрос, скорее всего, нужно дать отрицательный ответ. Центром восстания стал Ростов [22, с. 259], и, возможно, епископ Кирилл, несмотря на тяжелую болезнь, предпринял некоторые усилия для этого, тем более, что, вероятно, рассчитывал на успех выступления. У него были основания так считать: в нашем распоряжении имеются данные о том, что за время правления Берке-хана он, по крайней мере, дважды посещал Орду [29, с. 142–143], а потому, как и Александр Невский, был в курсе противоречий Сарая и Каракорума, которые и обеспечили успех восстаний. Дело Кирилла мог продолжить и его приемник Игнатий, выбранный, кстати, не только с ведома митрополита и Ростовских князей (что вполне естественно), но и Александра Невского: «Благоверный же князь Александр... , Борисъ и Глебъ Васильковича... благословеньемъ митрополита Кирила и епископа Кирилла изведоша архимандрита святого Богоявленья Игнатья и бысть причетник церкви святыя Богородица в Ростове» [11, стб. 476].

Как было сказано выше, в источниках имеется указание и на то, что за год до восстания, в 1261 г., в Сарая побывал митрополит Кирилл. Во время этого визита первоиерарх имел возможность вникнуть в некоторые тонкости отношений Сарая и центральной власти монгольской империи. Кроме того, в 1261 и 1263 гг. летопись фиксирует пребывание митрополита на Северо-Востоке Руси (благословение Игнатия Ростовского, встреча и похороны умершего по пути из Орды Александра [см.: 11, стб. 476; 2, с. 84, 312]). Скорее всего, Кирилл присутствовал здесь и в 1262 г., когда разгорелся мятеж против произвола «бесурмен».

Все это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что высшие иерархи вместе с князьями, и в том числе Александром Невским, в какой-то мере могли способствовать организации выступлений 1262 г. Но одновременно они же могли стать некоторым фактором сдерживания возмущения народа. Ведь, насколько можно судить по данным летописей, после 1262 г. возмездия за непокорность в виде карательного набега, подобного Неврюевой рати, не последовало. Главной причиной явились противоречия между Сараем и центральной монгольской властью. Однако в случае гибели кого-либо из монголов, приближенных к особе хана, ни внутренние междоусобия Чингизидов, ни дипломатические ухищрения русских князей не помогли бы избежать жестокой кары, как это и произошло с Тверью, после расправы в 1327 г. с Чол-ханом и его людьми [13, с. 215, 363–364]. Александр Невский и архиереи городов, охваченных восстаниями, это прекрасно понимали. А потому, вероятно, именно они постарались сделать так, что бы гнев восставших обрушился только лишь на «бесурмен» — непосредственных сборщиков дани, и не затронул татар, напрямую не связанных с фискальными операциями. Во второй половине XIII в. Ростов, в 1262 г. один из главных центров восстания, начинает привлекать татар, желающих переселиться на Русь. Здесь даже образовалась «своеобразная ордынская православная община» [30, с. 121], чему, вероятно, должна была способствовать организованность вечевых выступлений, не превратившихся в повальную резню всех выходцев из Орды.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что Александру Невскому удалось добиться взаимопонимания с высшим духовенством и в том числе с митрополитом Кириллом. Между ними не было противоречий, более того, их действия часто были согласованы, вероятно, даже они ценили друг друга. Косвенным подтверждением этому может служить то, что на похороны князя собралось большое количество архиереев: «... снемшеся епископи и игумени с митрополитомъ Кюриломъ» [2, с. 84, 312].

Источники и литература

1. *Бегунов Ю. К.* Выбор Александра Невского и значение выбора для судеб русской государственности и цивилизации // Святой Александр Невский: Сб. статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 г. Усть-Ижора: [Б. и.], 1999. С. 6–17.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V–XII, 720 с.
3. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. II. Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1997. 920 с.
4. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М.: Леан; Аграф, 1997. 480 с.
5. *Матвей Парижский.* Великая хроника // Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. С. 107–172.
6. *Пашуто В. Т.* Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. 1948. Т. XXVI. С. 273–306.
7. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
8. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М.: ТЕРРА, 1993. 686 с.
9. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
10. *Охотина Н. А.* Русская Церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей / Отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 67–84.
11. ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

12. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.
13. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 468 с.
14. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.
15. *Романив В. Я.* Князья, общины, монголы в Ростово-Суздальской земле в середине XIII в. // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб.: Алетей, 2004. С. 226–232.
16. *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. С. 205–215.
17. *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 276 с.
18. *Григорьев А. П.* Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1990. С. 53–102.
19. *Алексеев В. И.* Роль Церкви в создании русского государства. (Период от нашествия татар до Ивана III.) Нью-Йорк: Комитет 1000-летия крещения Руси; Конгресс русских американцев, 1990. 308 с.
20. *Беляев И. Д.* Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. С. 20–36.
21. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Русская Церковь и ордынские власти (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.) // Тюркологический сборник-2001. Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 156–184.
22. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси) // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб.: Наука, 2002. С. 215–344.
23. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.: Наука, 1950. 520 с.
24. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.
25. ПСРЛ. Т. X: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (Продолжение.) М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.
26. *Кривошеев Ю. В.* О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб.: [Б. и.], 1995. 98 с.
27. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
28. *Макарий (Булгаков М. П.), Митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриархата (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
29. Повесть о Петре, Царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М.: Советская Россия, 1982. С. 142–150.
30. *Кривошеев Ю. В.* Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 118–125.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2010 г.